

Кожаринова Анна Ростиславовна

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РОСТА ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ФУНКЦИИ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕ XX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-1/9.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 26-28. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 304

*Анна Ростиславовна Кожаринова**Российский государственный университет туризма и сервиса, г. Москва*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РОСТА ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ[©]

Экономическим базисом современного нам состояния массовой культуры стал переход от индустриального к постиндустриальному обществу, произошедший в 70-х годах XX века, который сопровождался процессами экспансии сферы услуг (при относительном уменьшении сферы материального производства), превращения информации в основной базис технологического развития, внедрения в производство наукоемких и интеллектуальных технологий.

Знания, как экономический ресурс, стали ключевым моментом в экономике, они, непрерывно и лавинообразно приумножаясь, явились основным источником развития производства. В конце XX века к окончательному оформлению пришли процессы «меркантилизации знания», о которых рассуждал французский исследователь постмодерна Ж.-Ф. Лиотар: «Явно или неявно, но вопрос, задаваемый студентом, проходящим профессиональную подготовку государством или учреждением высшего образования, это уже не вопрос "Верно ли это?", но "Чему это служит?". В контексте меркантилизации знания чаще всего этот последний вопрос означает "Можно ли это продать?". А в контексте повышения производительности - "Эффективно ли это?"» [4, с. 124].

Основатель теории постиндустриального общества, социолог Д. Белл проследил влияние изменений в экономике на социальную и культурную жизнь общества. Так, во-первых: новый характер труда в постиндустриальном обществе, проявляется, прежде всего, в росте взаимодействий между людьми. «Тот факт, что люди (в общественном производстве) сегодня общаются с другими людьми, а не взаимодействуют с машинами, является фундаментальной характеристикой труда в постиндустриальном обществе» [1, с. 220]. Во-вторых, Д. Белл отмечал появление нового класса носителей теоретического знания – когнитариата (по аналогии с пролетариатом). Деятельность когнитариата носит принципиально иной характер, чем труд индустриального работника. Необходимость овладевать новыми знаниями, профессиональными навыками, диалоги между коллегами, осуществляющиеся в процессе производства товаров и услуг, способствуют развитию личности, в то время как символом индустриального труда был автоматизированный, конвейерный труд, требующий от наемного рабочего лишь во время и четко выполненных однотипных операций. Аналитик информационной эпохи и сетевого сообщества М. Кастельс также подчеркивает, что источником производства и власти в информационном обществе стали знания и процессы генерирования, обработки и передачи информации [3].

В постиндустриальную эпоху, благодаря совершенствованию способов коммуникации, ученые заговорили о построении нового вида общества – информационного, из особенностей которого отметим здесь то, что интересует нас с экономической точки зрения, а именно: усложнение и диверсификация структур деятельности, высокий уровень внедрения новаций, появление вариативности в более устойчивых ранее экономических процессах. Все это в корне изменило характер труда в информационном обществе. Э. Тоффлер в детализирует произошедшие изменения: перенесение места работы из офисов в дом, демассификация и дестандартизация производства, гибкий график рабочего времени, децентрализация управления бизнесом, сдвиг от пассивного потребления к активному «производству для себя» [7, с. 430-464]. Эти изменения мотивировали появление нового - грамотного, активного, умеющего принимать решения работника. Понятно, что культурные запросы у такого работника будут значительно выше, чем у неквалифицированного рабочего индустриальной эпохи.

Итак, в конце XX – начале XXI веков удовлетворение базовых потребностей за счет высокоразвитого производства происходит достаточно просто (речь идет о развитых странах). И хотя экономисты провозглашают тезис о безграничности роста материальных потребностей массы в целом, персонифицированный подход к работнику постиндустриального общества обнаруживает, что его личностные потребности зачастую выходят на первый план, по сравнению с его потребностями как рабочей силы, формируя у него новые постэкономические (постматериальные) культурные запросы и ожидания. Список новых потребностей постоянно растет: это потребность в информации, в достижении высшего уровня в каком-либо деле, в интересной работе и общественном признании, в увеличении свободного времени, в общении с семьей, в поиске ответов на «вечные вопросы», а также этические и эстетические потребности. Обеспокоенные карьерным и духовным ростом работники интеллектуального труда, стремятся использовать свой досуг с пользой, повышая общий уровень личностной культуры. Но часто свободное время или ограничено, или затрачивается на постоянно необходимую профессиональную переподготовку. Поэтому переход на потребление продукции элитарной культуры, требующий у неподготовленного человека определенных интеллектуальных и духовных усилий, остается проблематичным. Следовательно, массовая культура в постиндустриальную эпоху приобретает еще большее значение, чем раньше, но актуализируется запрос масс на изменение ее содержания.

Это приводит к тому, что в постиндустриальную эпоху помимо адаптационной, социализирующей, коммуникативной, рекреативной, идеологической функций, ощутимо значимой становится и гносеологическая функция массовой культуры.

Следующими важнейшими факторами роста гносеологической функции массовой культуры становятся технические и технологические факторы. Созданная искусственная среда (техносфера) экранирует естественную среду и формирует отчуждение человека от природы. Симптомом этого отчуждения стала массовая культура образца начала и середины XX века, существующая вне ориентации на прошлое и будущее, не нагружающая потребителя размышлениями о глобальных проблемах и формирующая безответственное отношение к будущему человечества. В конце XX – начале XIX веков ощущение разрыва с природой у современного представителя урбанистической цивилизации становится почти трагическим. Эти ощущения стали настолько всеобщими, что если раньше они присутствовали только у интеллектуальной элиты, способной быстрее улавливать тенденции, то теперь они возникают и у масс, у которых в конце XX века вырабатываются определенные эсхатологические настроения. Пессимистические ожидания, страх перед будущим человечества, теперь уже, подогреваемый средствами массовой информации, выражается в попытке масс адаптироваться к новой ситуации и установить контакт с окружающей средой через произведения масскультуры.

В самом деле, только через доступную ей культуру, массы могут попытаться понять, что им на самом деле грозит. Попыткой масс, хотя бы на примитивном уровне, разобраться в перспективах развития цивилизации, объясняется популярность в наше время документального кино о природе, фильмов-катастроф, фантастической литературы, телепередач о последних открытиях в биологии, о конце света и т.п. Таким образом, обеспокоенность масс глобальными проблемами современности, возникшими в результате преимущественно технологического развития европейской цивилизации, их желание заглянуть в общее будущее человечества порождает потребность в более полной реализации массовой культурой ее гносеологической функции.

Один из основоположников современной теории информации М. Маклюэн в работе «Понимание Медиа: внешние расширения человека» [5] анализирует развитие механических «технологий», способствовавших расширению человека в пространстве, ограниченном пределами этих технологий и поставивших коммуникацию между человеком и окружающей средой на новый уровень. Частичная передача своих функций технике приводила к утрате человеком способности к этим функциям. Созданные за последние сто лет «электрические технологии» способствовали тому, что расширение человека в пространстве и времени стало беспрецедентным и достигло вселенских масштабов. Появилась возможность «соприкосновения всех со всеми» [9, с. 38]. Ортега-и-Гассет по этому поводу писал: «Эта близость дальнего, доступность недоступного фантастически раздвинула жизненный горизонт каждого человека... Империи и целые цивилизации, о которых мы вчера еще не подозревали, входят в наше сознание, как новые континенты. Экраны и журналы доносят эту незапамятную древность до глаз обывателя» [6, с. 33-34]. Но в конце XX века произошло большее: эти расширения отделились от человека и стали над ним властвовать. Развитие электронных СМИ, овладевших сознанием своих потребителей, М. Маклюэн считает «отчаянной и самоубийственной самоампутацией» [5, с. 5]. За пределы человека выносятся и отчуждается от него не его тело, но уже его сознание и память, что делает его слабым и зависимым от технологий существом. Философ и культуролог М. Н. Эпштейн, описывая ситуацию информационного взрыва, произошедшего в конце XX века, идет дальше. Он называет XX век началом «цивилизации протезов». Протезно-электронные составляющие индивидуального тела - экраны, диски, компьютеры, телефоны, факсы - «расчленяют» целостность индивидуума. «Травмированное» сознание фрагментарного и деконструированного тела «легко скользит по ... поверхности, отдаваясь радости безотчетного восприятия» [8]. Глаза видят образы, но их глубинные смыслы увечное сознание отказывается воспринимать. А раз мы начинаем переходить через порог чувствительности, в пределах которого поступающая информация может быть адекватно воспринята нашим сознанием, то, какое количество информации попадает к нам за пределами этого порога, становится безразличным для нас. При этом у нас возникает зависимость от получения новых порций информации, при этом количество потребляемой информации никак не переходит в качество.

Носителями информационного сознания являются, прежде всего (но не только), люди, профессионально связанные с информационными технологиями. По мнению М. Кастельса, они будут иметь более креативное сознание, более развитое мышление, особенные интеллектуальные устремления и ценностные ориентации, по сравнению с людьми, не пользующимися новыми информационными технологиями [2, с. 55-75]. Их познавательные потребности будут реализовываться по особенной, только им присущей стратегии. Тем не менее, большинство из описанных выше пользователей Интернета, остается потребителями информации и в традиционных СМИ. Это вынуждает массовую культуру интеллектуализироваться, с тем, чтобы оставаться привлекательной для творчески и умственно развивающейся «сетевой» аудитории.

Таким образом, технологическим фактором роста потребности масс в познании, становится, во-первых, глобальный культурно-антропологический кризис, связанный с технократическим креном в развитии нашей цивилизации. Во-вторых, развитие информационных технологий привело к появлению необходимости в новом виде адаптации индивида – интеллектуальной адаптации к появившемуся в конце XX века «информационному космосу», который породил сетевое общество, способствовал изменению характера труда, появлению необходимости перерабатывать огромное количество информации. Произошло выделение образованной творческой инфеэлиты, количество которой стремительно растет.

Аналитики единодушны в том мнении, что благодаря появлению новых информационных технологий, становится востребованным новый тип работника – новатора и профессионала в своей области. На смену массовому индустриальному работнику со стандартизированным сознанием приходит иной тип, ориентированный на такие ценности, как личная свобода, творческая активность, интеллектуальный поиск. Маловероятно, что такого работника заинтересует потребление примитивных образцов массовой культуры. Новый тип работника привык к свободе выбора интересующей его информации и самостоятельному формированию своих потребностей, в том числе когнитивных. Навыки и знания для получения интересной ему информации он уже выработал.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 956 с.
2. Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
5. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. 464 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2005. 272 с.
7. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 781 с.
8. Эпштейн М. Н. Информационный взрыв и травма постмодерна [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/epstein/epsht.html>
9. Ясперс К. Власть массы // Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2008. 272 с.

УДК 929

Маргарита Дмитриевна Кушнарeva
Иркутский государственный университет

СУДЬБА СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ С. ПАВЛОВСК В XX В. ©

Со времени смерти старообрядческого епископа Мефодия (Михаила Екимова) и перезахоронения его останков на старообрядческом кладбище в с. Павловск его духовными наследниками прошло более ста лет. Отметим свой сто летний юбилей школа, основанная П. И. Кушнаревым в с. Павловск. Но XX век принес много существенных изменений в жизнь старообрядческой общины села Павловск, родины купцов I гильдии Кушнаревых.

Гонения царского правительства в отношении последователей старой веры в начале XX века переросли в более ожесточенное преследование советской властью старообрядческих купеческих семей.

В начале XX в. на территории современной Восточной Сибири и Якутии действовали крупные предприятия купцов I гильдии Кушнаревых. Это были Торговые Дома "Наследники А. М. Кушнарeva", "Северное торгово-промышленное товарищество", "Наследники А. А. Бушуевой". Учредителями данных компаний выступали дети А. М. Кушнарeva, а приказчиком и ближайшим компаньоном являлся купец I гильдии П. И. Кушнарев - сын родного брата А. М. Кушнарeva - И. М. Кушнарeva. Семья П. И. Кушнарeva проживала в своем родовом доме в с. Павловск. Предприятия занимались торговлей пушниной и мамонтовой костью, доставкой продовольствия на золотые прииски рр. Алдана, Олекмы и Витима, а так же торговлей с коренным населением Якутии в отдаленных улусах. Жизнь и деятельность старообрядческих купцов Кушнаревых подверглась коренным изменениям в первые послереволюционные годы.

В статье Р. И. Шеметовой существует информация о судьбе наследников А. М. Кушнарeva. "Известно, что Петр Акепсимович Кушнарев покинул Якутск в апреле 1919 г. и перебрался в Китай. Вскоре уехала из Якутска его жена Т. В. Кушнарeva с детьми. В Китае в г. Циндао семья П. А. Кушнарeva проживала до 1942 г. Здесь умер П. А. Кушнарев, а его жена перебралась в США" [5, с. 84-85]. Все имущество наследников А. М. Кушнарeva в Якутске, Иркутске, Москве и других населенных пунктах было национализировано. Современные потомки А. М. Кушнарeva проживают в Москве и в США.

Родственники родного брата А. М. Кушнарeva - И. М. Кушнарeva не покинули с. Павловск. П. И. Кушнарев и его семья продолжали заниматься сельским хозяйством и скотоводством. Осуществление торговых операций было прекращено с момента национализации торговых предприятий "Наследники А. М. Кушнарeva", "Северное торгово-промышленное товарищество" и "Наследники А. А. Бушуевой".

В конце 20-х - начале 30-х гг. XX в. на территории Якутии начинается процесс раскулачивания, а затем и коллективизации. Этот период стал новым этапом испытаний для старообрядческой общины в с. Павловск. К этому времени, в семье сына П. И. Кушнарeva - бывшего приказчика А. М. Кушнарeva - Матвея Петровича Кушнарeva, родилось восемь детей.